

МЫ УСЛЫШАЛИ ИХ ГОЛОСА

«Нет жизни без креста, для одних он долгий или тяжелый, для других короткий и легкий, мой, по-видимому, к последней категории принадлежит».

Эти строки из письма осужденного к ссылке ксендза Матеуша Бринчака, отправленного Екатерине Павловне Пешковой в начале 30-х годов из Сибири. И еще — из этого же письма:

«С крестами жизни человеческой Вы, Екатерина Павловна, имеете дело, примите участие и в моем».

Пешкова Екатерина Павловна — активная общественная деятельница. До революции была членом партии эсеров и гласной Московской городской думы. После революции возглавила общественную организацию "Московский Политический Красный Крест", а после его закрытия в 1922 году добилась открытия и возглавила "Комитет помощи политзаключенным". Будучи первой женой А. М. Горького, она пользовалась некоторой неприкосновенностью, и всю жизнь посвятила помощи людям. Скончалась в 1965 году, прожив без малого 90 лет.

Возглавляемая ею первая организация действовала по предложению Ф.Э. Дзержинского с 1918 по 1923 год, вторая организация была закрыта в мае 1937 года по приказу Н. И. Ежова. Тысячам заключенных оказала Екатерина Павловна вместе со своими немногочисленными сотрудниками неоценимую помощь, недаром большинство писем начинаются словами «Дорогая Екатерина Павловна!»

4 сентября 1920 года на имя комиссара иностранных дел Чичерина поступила депеша, в которой говорилось, что: «Польский Красный Крест просит Екатерину Павловну Пешкову взять на себя попечение о гражданских пленных, уполномочение и область деятельности должны быть равны с нашими делами Семполовской в Варшаве».

20 октября Екатерина Павловна начала работу, еще не имея мандата. Мандат ("Доверенность") был выдан ей 17 декабря 1920 года за № 1876, где говорилось, что Польский Красный Крест уполномочивает российскую гражданку Е.П. Пешкову «принять на себя попечение о всех польских военнопленных, гражданских пленных и интернированных лицах, а равно о заложниках, буде таковые существуют». Далее следовал перечень полномочий. Деятельность Е.П. должна была протекать в силу Берлинского соглашения от 6 сентября 1920 года под контролем и опекой Российского Общества Красного Креста. Одновременно такой же мандат в Варшаве получила Стефания Семполовская.

Уже в первой половине января 1921 года из Польши отправлены посылки с продуктами и одеждой. Письма отправлялись через Ригу. Е.П. сама ездила по тюрьмам и концлагерям России, Украины, Белоруссии, а также в Сибирь, где анкетировала и составляет списки заключенных польских граждан, а также российских подданных польской национальности всех оговоренных категорий¹.

Однако к категориям польских заключенных, указанным выше, уже в 1923 году прибавилась новая — это римско-католическое духовенство и русские католики восточного обряда². В архиве Польского Красного Креста собраны 5639 личных дел, в которых мы находим интереснейшие письма и иногда можем проследить по ним некоторый временной отрезок судьбы осужденного. В данной статье речь пойдет о польском духовенстве.

По сведениям профессора Романа Дзвонковского в период 20-30-х годов

¹ Один только перечень названий этих лагерей и тюрем занял бы здесь около страницы

² Первый суд над 13 польскими священниками с архиепископом Яном Цепляком во главе прошел в Москве в марте 1923 года, вместе с ними судили и экзарха русских католиков Леонида Федорова.

в заключении и ссылках находилось около 350 католических священников. Возможно их было и больше. Немалая часть их находилась до 1933 г. в Ярославском политизоляторе, потом часть из них была отправлена на Соловки, где они оказались на тяжелых работах, а ведь многие из них к этому времени были уже стариками, измученными болезнями. Некоторые были просто инвалидами.

Читая письма ксендзов, поражаешься неутраченному чувству собственного достоинства и верности пасторскому долгу, их искренней заботой о ближних и братьях. Часто посылка, предназначенная одному ксендзу, которую нельзя было доставить по каким-то причинам (например, закрытие навигации на Соловки) с его ведома переправлялась другому на материке или несколькими сразу. Взаимопомощь была удивительно сильна в этих людях. Но не только о хлебе насущном болела душа у лишенных свободы священников. Часто в письмах читаем: **"пришлите пожалуйста breviарий"** или **"пожалуйста, добейтесь разрешения отслужить литургию"**. Последнее, правда, почти никогда не удавалось. Вот еще отрывок из письма ксендза Матеуша Бринчака от 12 апреля 1931 года (67-летний ксендз после отбытия срока заключения отправлен в 3-х летнюю ссылку в Томск):

"<...> а потому прошу Вас, Екатерина Павловна, выхлопотать для меня у Центральных властей право отслужить одну только литургию (без обязанности настоятеля) в Томском костеле, а этим Вы облегчите мой крест и это последняя моя горячая просьба".

К сожалению, больше таких философских писем-откровений в его личном деле нет, есть только коротенькие открытки с благодарностями о получении посылок и денег. Осенью 1936 года в Варшаву пришло сухое официальное извещение:

"Сообщаю, что нами получены сведения о смерти кс Матвея БРЫНЧАК, который был в ссылке в Томске... О смерти узнали из пометок на денежном переводе и посылке, полученных обратно. О дате смерти мы не знаем".

Далеко не всякое личное дело может дать ясную картину о судьбе заключенного. Например, совсем мало сведений в деле ксендза Теофила СКАЛЬСКОГО. Можно только догадаться, что в начале своего заключения отец Теофил был тяжело болен, в связи с этим Екатерина Павловна Пешкова обращалась в Польскую секцию ОГПУ:

"Скальский Теофил Готфридович, ксендз, — просьба разрешить зайти к нему в Бутырскую тюрьму ксендзу и без исповеди дать ему абсолюцию (отпущение грехов)".

Разрешение, очевидно, было получено, и Е.П. обращается к настоятелю римско-католического костела Карлу Лупиновичу:

"Разрешение пропустить Вас к ксендзу Т. Г. Скальскому в Бутырскую тюрьму дано ОГПУ на 27/III-с<его> г<ода> 11 часов утра. Особого ордера не нужно, т<ак> к<ак> распоряжение о пропуске на Ваше имя дано непосредственно в Бутырскую тюрьму".

Екатерина Павловна добилась включения ксендза Теофила СКАЛЬСКОГО в списки персонального обмена в Польшу, состоявшегося 15 сентября 1932 года. Незадолго до отъезда, в июне того же года ксендз Теофил писал в Польский Красный Крест:

"При деле моем в Верховном Суде по военной коллегии, которое значит под № 43 (г<ода> 28, 24-27 января) осталась моя грамота "Breve", которой Святейший Престол наградил меня титулом Протопотария Апостольского. Мне было уже два раза сказано, что только при высылке моей за границу я сумел бы получить обратно этот, для меня большой моральной ценности документ".

Даже после отъезда Теофила СКАЛЬСКОГО в Польшу Екатерина Павловна продолжала хлопоты по получению этого документа.

Приведем еще строки из письма ксендза Владислава ЖОЛНЕРОВИЧА, тоже мечтавшего уехать на родину в Польшу.

"Прошу посоветовать — можно ли через Вас или непосредственно обратиться с ходатайством в Польскую Миссию насчет выезда или нет? Может быть представители Советского Правительства будут считать такое обращение за уголовное преступление и сношение с иностранным государством?"

Это юмор или он действительно боялся?.. И был прав, так как позднее заявление священнослужителя в ОГПУ-НКВД с просьбой разрешить выезд за границу приводило к его аресту и осуждению.

Возвратимся к деятельности Е.П., которая принимала самое активное участие в облегчении судьбы осужденных и их родственников. С помощью сотрудников отправляла посылки в места заключения, а также помогала их малоимущим родственникам, оставшимся на воле без средств к существованию. Разыскивала их родственников за границей, которые могли бы оказать посильную материальную помощь, переписывалась с близкими и так далее. Приведем, например, отрывок из письма в Польский Красный Крест сестры ксендза Станислава ГАНЬСКОГО Софьи Станиславовны БАО:

"Присланный Вами рис — это мое счастье, потому что имею чем спасти ребенка. Уже месяц больна дизентерией, и у нас нигде не могли достать рису, только ячмень".

Казалось бы, простые незатейливые слова, но сколько в них боли и благодарности, ведь речь идет о жизни и смерти ребенка.

Кроме того, Польский Красный Крест помогал родственникам ксендзов с перепиской, часто по приговору это было запрещено. В таких случаях помогал Польский Красный Крест. Надо сказать, что многие прихожане, будучи сами в незавидном материальном положении, старались помочь своим пастырям-ксендзам, даже не будучи их родственниками. А ведь за это давали сроки. Вот что пишет Екатерина Павловна родственнице ксендза Ладыго Текле Барыто:

"Для него нам посылает гр<аждан>жа Пинкелевич. Сговоритесь с ней, а то нам неудобно очень часто посылать ему посылки".

Однако, из писем, приходящих в Москву, можно сделать вывод, что у многих из осужденных нет никого из близких. Такие письма очень тяжело читать, они буквально взывают к Е.П. Приведем, например, отрывок из письма ксендза Петра ГЕЙТА:

"Простите мне, что я Вас так часто беспокою, другого выхода я не найду! Единственную надежду на поддержку в своей тяжелой участи я имею на Вас. А потому я просил Вас, если это в Вашей возможности, и в дальнейшем сделать что-либо для улучшения моей участи".

Громадную роль сыграла работа Польского Красного Креста и лично Екатерины Павловны Пешковой по подготовке нескольких обменов польских граждан на заключенных в Польше. Таким образом, была обменена группа священников с Соловков, многие уехали вместе с родственниками, в основном, это были их престарелые тетушки или, наоборот, малолетние племянники.

Большинство из оставшихся священнослужителей были расстреляны или умерли от болезней и лишений. Именно их письма, иногда — крик или мольба о помощи, иногда — мудро философские, но всегда искренне благодарные за помощь находим мы в открывшемся в начале 1990-х фонде Польского Красного Креста. Сейчас готовится книга, в которую будут включены наиболее яркие из них.

Трагические судьбы многих и многих семей узнаем мы из этих "романов в письмах", которые молча пролежали от 60 до 70 лет. За это время родилось,

прожило жизнь и состарилось целое поколение людей. И вот случилось невероятное. Упали печати секретности. Заговорили живые голоса тех, кто давным-давно ушел из жизни, многие принудительно, то есть расстреляны или скончались до срока в разных углах ГУЛАГа. Живые их голоса, а иногда и лица (в некоторых делах есть фотографии) возникли перед нами при изучении материалов фонда Е. П. Пешковой.

* * *

В январе и апреле 1995 года был показан документальный фильм "Академия преступлений" (интервью и 1-ая программа польского телевидения). Это фильм о Соловецком лагере, режиссер и автор сценария — В. Карват, соавтор — доктор филологических наук Хелена Овсяны (подборка текстов воспоминаний и документов, "история устная", перевод текстов).

Героиня фильма вспоминает о семье Крушельницких, которые спасли ей жизнь. Лариса Крушельницкая, единственная оставшаяся в живых из большой семьи Крушельницких. Сейчас живет во Львове.

Семья эта упоминается также в книге "Феномен лагерного творчества" Соловецкие лагеря 1920-1930 годов в разделе "Женщины (судьбы женщин) в лагере".

В документах Польского Красного Креста найдены три дела Крушельницких — Камилии, Стефании и самой Ларисы. Несколько упоминаний говорят о ней как о шестилетнем ребенке.

Ксендз Иосиф БЕНЕЦКИЙ в 30-32 годах находился в заключении в Ярославском изоляторе. Через Польский Красный Крест он искал своего брата, доктора медицины Станислава Бенецкого, проживавшего на Украине. Доктор, как выяснила Екатерина Павловна Пешкова, был в это время выслан с Украины и отправлен в ссылку в город Мариинск (Западная Сибирь). Он работал в местном лазарете и имел возможность помочь материально своему брату-ксендзу. Переписка между братьями стала возможно только благодаря усилиям Е. П.

В апреле 1935 года срок заключения ксендза Бенецкого был окончен и ему назначили ссылку в Северный край. Будучи весьма больным человеком, отец Иосиф добивался перемены места ссылки в Мариинск, ближе к брату-доктору. Это было не просто. Сначала ксендза послали все-таки в Архангельск, ОГПУ все время меняла решение и, наконец, Иосиф Бенецкий получил разрешение и приехал к брату. Однако, вместе они пробыли всего несколько месяцев. В первых числах сентября доктор медицины Станислав Бенецкий вместо порошка от кашля выпил случайно стрихнин и скончался в течение 15 минут. За месяц до этого умерла от туберкулеза его жена. Осиротевший их сын Станислав, восемнадцати лет, поступил в Томский Университет и уехал в Томск.

"Так как доктор Станислав Викентьевич Бенецкий пользовался большой популярностью, многим помогал, одну из комнат в его квартире в г. Мариинске оставили за ксендзом Иосифом БЕНЕЦКИМ, который жил вместе с братом".

Ксендз Иосиф остался снова без средств к существованию. В письме к Екатерине Павловне он писал, что делает цветы из стружки, хотя летом на них нет спроса. И снова Польский Красный Крест помог ему.

И. С. ЗАИКИНА³

³ ЗАИКИНА Ида Станиславовна, родилась в 1946 году в Москве, в семье инженеров. Получила высшее техническое образование. До 1991 — работала программистом в одном из институтов Академии Наук СССР. Увлечлась историей ГУЛАГА, вступила в Научно-исторический и просветительский Центр "МЕМОРИАЛ", работала в Фонде Е.П. Пешковой в Государственном архиве Российской Федерации.